

Глава 15. Свадьба

Шестнадцатый день шестого месяца. Небо было ясным и чистым, лёгкие облака украшали его лазурную глубину. Вдоль дорог, склоняясь, плакучие ивы роняли тонкие ветви, усыпанные мелкими цветами. Прохладный, свежий воздух был наполнен влагой — редкий, погожий день.

Все шесть ритуалов — сватовство, гадание об имени, объявление о помолвке, преподнесение свадебных даров, выбор свадебного дня и встреча невесты — были соблюдены.

Жун Цунцзиня разбудили ещё в час Тигра. Фу Тун и Би Тао усадили его за туалетный столик, и он, полусонный, прошёл через умывание и нанесение макияжа.

— Как же вы прекрасны, господин, — прошептала Би Тао, аккуратно укладывая его волосы в свадебную причёску и закрепляя их в короне. Она стояла позади, глядя вместе с ним в бронзовое зеркало на его отражение, и в голосе её слышались слёзы.

Брачные дела господина претерпели столько превратностей, но теперь, наконец, всё было решено.

— Ты последуешь за мной в княжескую резиденцию, так о чём же плачешь? — обернувшись, спросил Жун Цунцзинь, мягко коснувшись её руки.

— Да, в такой радостный день плакать не пристало. Наш господин становится принцессой-консортом, — поддержала её Фу Тун, но не успела договорить, как её собственные глаза покраснели. Она выбежала из комнаты, и долгое время от неё не было ни звука.

Две служанки — одна утешала, другая плакала, — а потом, поменявшись ролями, принялись успокаивать друг друга. Никто не знал, каков из себя князь Жуй, но все шесть ритуалов были исполнены с должной торжественностью и уважением. Дары, преподнесённые в день помолвки, заполнили весь двор Хэнчжи: золото, серебро, деньги, шпильки, браслеты, янтарные ожерелья, парча и шёлк, а также изящная ширма, вырезанная из цельного куска нефрита. Даже госпожа маркиза Динъюань была поражена. Всё это не могло быть подделкой, и сердца Би Тао и Фу Тун немного успокоились.

Жун Цунцзинь, напротив, был совершенно спокоен. Он сидел на вышитом табурете и смотрел на своё отражение. Изящно изогнутые брови, подведённые тёмной краской, глаза, подобные осенним водам, в которых плескался свет, — один лишь взгляд был способен взволновать сердце. Губы, окрашенные соком розы, алели, придавая лицу одновременно и строгость, и яркость. Он редко носил такой густой и изысканный макияж. Его и без того яркая красота, подчёркнутая искусным макияжем, расцвела во всём своём великолепии.

Красавец в зеркале опустил глаза и улыбнулся. Улыбка отразилась на вышивке с фениксами на алом, затканном золотом шёлке. Поистине, одна его улыбка могла затмить все цветы.

На самом деле, макияж в обеих жизнях не сильно отличался. Но в прошлой жизни он никогда не помышлял о любви, будучи лишь холодной статуей, играющей нужную роль в нужное время. В первую брачную ночь его сердце было спокойно, как гладь озера. Теперь же, вступая в брак с тем, кого любил, даже нефритовое изваяние ожило, и в его глазах засиял тихий весенний свет.

Жун Цунцзинь поднял рукав и, обмакнув кисть в разведённый водой кармин, аккуратно нарисовал между бровями цветков хуадянь. И без золотой пыльцы или изумрудных крылышек он выглядел изысканно и ослепительно.

Би Тао и Фу Тун, совладав с эмоциями, вернулись и помогли ему накинуть поверх алого свадебного наряда тонкую газовую тунику, расшитую золотом. Четыре служанки и несколько свах, суетясь, доводили его облик до совершенства. Жун Цунцзинь терпеливо сносил всё, лишь отказался от пары нефритовых браслетов, которые хотела надеть на него сваха.

Свадьба принца отличалась от свадьбы простолюдина. Ритуал «приглашения на определённый срок» заменялся «уведомлением о сроке», а «личная встреча» — «отправкой посланника». Обычно члены императорской семьи отправляли за невестой своих товарищей по учёбе или молодых учёных. Так было и у наследного принца, и у четвёртого принца, женившихся до Гу Чжао. Их товарищи по учёбе были сыновьями высокопоставленных чиновников и сами имели звания, так что это не считалось пренебрежением.

Но Гу Чжао никогда не посещал дворцовую школу и лишь играл в сверчков в своём дворце Юннин. Должность его товарища по учёбе была формальностью. Ли Чжунлинь, сын министра кадров, который когда-то занимал это место, давно перешёл на службу к четвёртому принцу. Проблема обнаружилась лишь после обряда преподнесения даров, и дворцовым евнухам пришлось с осторожностью доложить об этом императору. В итоге император назначил двух посланников: Цянь Чжунвэня, сына академика из зала Цзычжэн, и Цинь Юня, сына министра финансов.

Слуга позади Цянь Чжунвэня нёс несколько подарков и пару диких гусей. Оперение птиц было гладким и отливало мягким светом. Гуси, склонив шеи, лежали рядом, время от времени поднимая головы, издавая чистые крики и взмахивая крыльями, словно готовясь взлететь. Они символизировали верность и то, что пара больше не будет одинока. Такой дар преподносился только законной, главной жене.

Цинь Юнь передал маркизу Динъюань большую нефритовую табличку, яшмовые монеты и императорский указ.

Маркиз дважды из вежливости отказался, но затем принял дары и проводил гостей в центральный зал.

Жун Цунцзинь, совершив поклонение в храме предков, вернулся в свой двор Хэнчжи. Распорядитель у дверей прочёл несколько стихотворений, поторапливающих невесту. Услышав строку: «Сегодня, по счастью, союз Цинь и Цзинь свершится, пусть же фениксы поскорее покинут свои башни», Жун Цунцзинь невольно улыбнулся и, оперевшись на руку Би Тао,

приготовился к выходу. Фу Тун осторожно накрыла его голову красным шёлковым покрывалом.

Дверь отворилась. Две служанки с драгоценными ларцами и шкатулками для украшений вышли первыми, за ними, поддерживаемый служанками, последовал Жун Цунцзинь. Сначала он прошёл в центральный зал, чтобы поднести чай родителям.

Маркиз Динъюань, приняв чай, лишь произнёс:

— Повиновение — добродетель. Не забывай о почтении и не перечь воле супруга.

— Слушаюсь, — Жун Цунцзинь поклонился и поднёс чай матери.

— Живите хорошо. Живите с князем Жуй хорошо, — кончики пальцев госпожи маркизы Динъюань дрожали так, что она едва не опрокинула чашку. Сделав глоток, она отставила чай и, взяв сына за руки, со слезами на глазах проговорила.

Отвернувшись, она позволила слезам скатиться по щекам. Её душевные раны затянулись, и за несколько дней отдыха она почти полностью восстановила силы. Голос её снова обрёл твёрдость, а лицо округлилось. Но провожать Цзинь-эра из дома было для неё новым испытанием.

Маркиз Динъюань тоже сдерживал слёзы. Будучи человеком сдержанным, он, несколько раз глубоко вздохнув, подавил в себе горечь расставания.

— Княжеская резиденция Жуй находится в Ванцзине. Цзинь-эр сможет часто навещать нас, — утешил он жену.

Госпожа маркиза Динъюань закивала и с неохотой отпустила руку сына.

Сердце Жун Цунцзиня тоже сжалось от тоски. Его родители и брат сделали всё возможное, чтобы защитить его. Он же, со своим холодным нравом, никогда не пытался изменить ход событий, живя одним днём. Теперь... теперь настала его очередь защищать поместье маркиза Динъюань.

Он не допустит повторения трагедии прошлой жизни, когда весь его род был уничтожен. Жун Цунцзинь глубоко вздохнул, его пальцы медленно сжались в кулак.

Жун И, одетый сегодня в тёмный халат с вышитыми на подоле облаками, шёл впереди, указывая дорогу. Как военный, он услышал изменение в дыхании идущего позади брата и, как бы невзначай, замедлил шаг.

— Если князь Жуй будет плохо с тобой обращаться, возвращайся домой, — когда Жун

Цунцзинь поравнялся с ним, тихо сказал Жун И. — Не стесняйся. Брат всегда будет на твоей стороне.

— Я знаю, — в глазах Жун Цунцзиня блеснули слёзы. Те, что он сдержал перед родителями, теперь тонкой жемчужиной скатились по щеке, словно капля росы с листа лотоса, сверкнув звёздным светом.

— Господин выходит замуж! — громко объявила сваха у вторых ворот.

Жун Цунцзинь глубоко вздохнул и, улыбнувшись под красным покрывалом, ступил на синюю ткань, расстеленную перед ним, и вышел за ворота поместья. Полы его одежд взметнулись, словно лёгкие ветви цветущего дерева.

Носильщики опустили паланкин. Церемониймейстеры расчищали путь, окропляя улицу водой. Распорядитель сел на коня. За паланкином следовали слуги и дворцовые служанки. Слуги несли ширмы, а служанки — изящные фонарики, прикрывая лица веерами. Всюду звучала музыка — флейты и гусли, создавая атмосферу праздника. На поперечных брусках ста восьмидесяти восьми носилок с приданым были повязаны красные ленты. За приданым шли дворцовые служанки, разбрасывая маленькие золотые и серебряные монеты в форме медных денег и изящные ажурные золотые листья. Дети, дождавшись, пока музыканты пройдут, бросались их подбирать.

Согласно возрасту, шестой принц уже достиг брачного возраста. Министерство работ должно было начать строительство его резиденции ещё несколько лет назад. Но ситуация с шестым принцем была особой, и император молчал, так что в министерстве проявили небрежность. Лишь после выхода указа министерства работ, церемоний и дворцовых дел всполошились. Они отыскивали запылившиеся чертежи, но строить резиденцию с нуля на выбранном месте было уже поздно. Пришлось доложить императору, и тот лично выбрал для него бывшую резиденцию князя Шэня времён династии Ли.

Бывшая резиденция князя Шэня примыкала к дворцу наследного принца и располагалась в конце улицы Инсян, которая вела прямо к Воротам Алой Птицы императорского дворца. К востоку от резиденции проходила императорская дорога, ведущая к воротам Наньсюнь, где жили высшие сановники. Место было превосходным. Резиденция из шести дворов, с небольшим садом и прудом с проточной водой, семью главными залами и задними покоями, поражала своей роскошью и великолепием. Даже боковые дворики были изящны и красивы, превосходя и поместье графа Чжунъюн, и поместье маркиза Динъюань.

Для статуса князя Жуй такая резиденция была даже слишком роскошной.

Но у этого места был один недостаток. Во времена династии Ли князь Шэнь, видя ослабление императорской власти, поднял мятеж. Он потерпел поражение и был убит в бою градом стрел. Нынешний император вырезал всю семью князя, даже младенцев в колыбелях. Резиденция была пропитана кровью и считалась неблагоприятной, поэтому пустовала и не была пожалована ни сановникам, ни принцам.

Лишь когда Гу Чжао женился, император вспомнил о ней и отдал ему.

Дворцовые службы в спешке обновили резиденцию, повесили новую вывеску «Княжеская резиденция Жуй» и перевезли туда вещи князя.

Сановники пытались разгадать волю государя, но тщетно. С одной стороны, если бы император не ценил шестого принца, зачем дарить ему, своему законному сыну, резиденцию, уступающую по роскоши лишь дворцу наследного принца? Даже любимый им четвёртый принц не был удостоен такой чести. Но с другой стороны, история этого места... дарить такую резиденцию новобрачному принцу — не слишком ли легкомысленно?

Император старел, и каждое его слово, каждый поступок мог быть важным знаком, предвестником перемен. Подаренная резиденция заставила сановников задуматься на многие дни.

— Просим принцессу-консорта выйти из паланкина, — почтительно объявил церемониймейстер, когда паланкин мягко опустился на землю.

— Принцесса-консорт, — служанка откинула занавеску. Би Тао, державшая драгоценный ларец, не могла помочь, и Чэньсян подошла, чтобы поддержать Жун Цунцзиня.

Главные ворота резиденции были распахнуты, на земле расстелена синяя шёлковая дорожка. Жун Цунцзинь уверенно ступил за порог. Церемониймейстер рассыпал по дорожке зёрна, чтобы отогнать злых духов. Один из слуг, пятясь назад, вёл Жун Цунцзиня через ритуальные предметы: седло, траву и весы.

Жун Цунцзинь, скрытый под покрывалом, был измучен долгими церемониями. Едва он, по указанию распорядителя, сел в шатре, как рядом с ним кто-то опустился, и радостный, ясный голос произнёс:

— Цунцзинь.

Словно чистый родник, этот голос проник в его сердце, смывая усталость.

— Князь, — тихо ответил Жун Цунцзинь.

Один лишь тихий шёпот, а сколько в нём было нежности и ласки.

Гу Чжао не расслышал всей глубины его чувств, но одной мысли о том, что предмет его обожания сидит рядом и стал его законной принцессой-консортом, было достаточно для счастья. Он самозабвенно хихикал, а потом спросил:

— Я женился на тебе, ты рад?

— Безмерно, — тёплым голосом ответил Жун Цунцзинь.

Они сидели в шатре внутри зала, окружённые слегка опущенными занавесями. Князь сидел слева, Жун Цунцзинь — справа. Пожилая женщина из императорского рода с улыбкой подошла, взяла из золотого ларца, инкрустированного жемчугом, горсть золотых монет и разноцветных фруктов и бросила их на кровать — на удачу.

— Князю пора вести принцессу-консорта на поклонение, — распорядитель долго ждал, но Гу Чжао всё хихикал. Он был сегодня так счастлив, что казался ещё глупее обычного.

На лбу распорядителя выступил пот.

— Князь, — тихо напомнил он.

Гу Чжао был занят тем, что под прикрытием рукава пытался коснуться пальцев Жун Цунцзиня. Едва дотронувшись, он отдернул руку, словно обжёгшись, но через мгновение снова незаметно подкрался, чтобы коснуться его мизинца.

— Князь... — прошептал распорядитель. Пот стекал по его шее, оставляя на воротнике тёмное влажное пятно.

Перед свадьбой дворцовые службы многократно репетировали с ним церемонию. Кто в Ванцзине не знал об особенностях шестого принца? Но если за воротами резиденции распорядитель мог объявлять о прибытии принцессы-консорта, то внутри всё зависело от князя. Пока князь не встанет, он не мог объявить о следующем шаге.

А если князю вздумается, он может просидеть так и до ночи. Распорядитель, сохраняя внешнее спокойствие, внутри кипел, как на раскалённой сковороде. Если они пропустят благоприятный час, что он скажет императору?

— Князь, нам пора совершить поклонение, — Жун Цунцзинь под прикрытием рукава сжал его руку и мягко проговорил.

Голос, подобный журчанию горного ручья, изящно скользнул по ветру.

— О, да! — Гу Чжао вскочил. Распорядитель вздохнул с облегчением и мысленно послал благодарный взгляд принцессе-консорту, но тот, скрытый под красным покрывалом, ничего не увидел.

Распорядитель поспешно махнул рукой, поднося один конец красной шёлковой ленты к

принцессе-консорту. Не успел он привязать другой конец к нефритовой табличке, как Гу Чжао выхватил её и радостно воскликнул:

— Поклонение!

С этими словами он рванул вперёд, увлекая за собой ленту. Жун Цунцзинь, измученный с самого утра, не пивший ни капли воды и ослабевший, не удержался на ногах. Огромная сила потянула его вперёд, он пошатнулся и, казалось, вот-вот упадёт.

Распорядитель от ужаса потерял дар речи и, не раздумывая, бросился, чтобы подставить себя под падающую принцессу-консорта. Если тот упадёт, ему не сносить головы.

Гу Чжао, выбежав во двор и не увидев за собой Жун Цунцзиня, обернулся. Картина падающего супруга предстала перед его глазами. В два шага он вернулся в зал и подхватил его.

— Ты в порядке?

Жун Цунцзинь, всё ещё не придя в себя, лишь покачал головой под покрывалом, не выпуская из рук красную ленту.

Гу Чжао, подумав, понял, что это он повалил свою принцессу-консорта. Его лицо вспыхнуло. Опустив глаза, он искоса, но так, что это было всем заметно, взглянул на Жун Цунцзиня, пытаясь заглянуть под покрывало, боясь, что тот рассердится и уйдёт.

Жун Цунцзинь, немного успокоившись, обмотал ленту вокруг пальца и тихо произнёс:

— Князь, идите помедленнее... хорошо?

Тонкие белые пальцы Жун Цунцзиня на алой ленте казались ещё более хрупкими и изящными, создавая поразительный контраст.

— Ага! — радостно кивнул Гу Чжао. Он ничего не заметил и, мелко семеня, повёл его за ленту. Распорядитель шёл рядом, указывая дорогу. За ними следовали две колонны слуг и дворцовых служанок. Гости уже ждали в переднем зале.

Гости, в соответствии со своими рангами, стояли в зале. Военные и гражданские чины — порознь. Наследный принц и другие принцы, естественно, занимали почётные места.

Услышав шум, все обернулись, чтобы посмотреть на новобрачных. На лицах читались разные эмоции. В глазах четвёртого и седьмого принцев мелькали неясные огоньки. Лишь наследный принц улыбался, глядя на Гу Чжао спокойно и с оттенком гордости.

Там, где он не видел, Гу Чжао уже вырос.

В зале стояли два пустых кресла из сандалового дерева, украшенные узором из грибов линчжи и облаков. Император и императрица не обязаны были присутствовать лично. Когда женились наследный и четвёртый принцы, они совершали поклонение родителям лишь во время благодарственного визита во дворец.

— Первый поклон — Небу и Земле! — зычно объявил распорядитель, стоя сбоку от правого кресла. Гу Чжао, держа ленту, растерянно покрутился на месте и, увидев, что Жун Цунцзинь уже повернулся и застыл, резко развернулся сам. Красная лента, как дракон, обвилась вокруг его талии.

Жун Цунцзинь поклонился по команде. Гу Чжао с опозданием на полшага неуклюже повторил его движение.

— Пф-ф! — кто-то из присутствующих аристократов не сдержал смешка. Смех, как цепная реакция, прокатился по залу. Многие сдерживались, но, услышав чужой смех, невольно улынулись и сами.

Этот шестой принц... и впрямь был глуп, как о нём и говорили.

Но как бы глуп он ни был, пока он дышит, найдутся чиновники, жаждущие власти и готовые примкнуть к нему. Вот и поместье маркиза Динъюань выдало своего законного шуана за дурака.

Наследный принц обернулся. Его глаза-фениксы сверкнули, как холодное лезвие, медленно пройдясь по толпе. Те, кто встречался с ним взглядом, невольно съёживались и тут же переставали смеяться.

Наследный принц лишь хотел предупредить их, не желая омрачить свадьбу брата. Запомнив лица нескольких сановников, он отвернулся, и его лицо снова стало доброжелательным.

— Второй поклон — родителям! — распорядитель отступил на шаг, давая место для поклона.

Гу Чжао, крутясь с лентой, снова повернулся и вместе с Жун Цунцзинем почтительно поклонился двум пустым креслам.

— Поклон друг другу! — с облегчением выдохнул распорядитель. Свадьба князя Жуй была настоящим испытанием.

Лента уже дважды обвилась вокруг талии Гу Чжао. В руках Жун Цунцзиня остался лишь самый кончик. Он сбеспомощно шагнул вперёд, сокращая расстояние между ними.

Они поклонились друг другу, их дыхание смешалось. Одинаковый аромат сливы, исходящий от их одежд, сплёлся в единое целое.

Под покрывалом щёки Жун Цунцзиня слегка покраснели, фарфоровая кожа подёрнулась лёгким румянцем, как лепестки мартовского персика. В его глазах Гу Чжао был самым красивым и благородным юношей. Его любовь была искренней, чистой и непоколебимой. Кроме того, что он был немного глуп, в нём не было недостатков.

Но можно ли считать это недостатком? Ему казалось, что Гу Чжао умнее многих.

После этого поклона они станут законными супругами... Сердце Жун Цунцзиня смягчилось, в нём проросли нежные ветви, усыпанные розовато-белыми бутонами, что тихо качались на ветру.

— Обряд завершён!

Дворцовая служанка, переданная в услужение князю Жуй, опустилась на колени и почтительно произнесла:

— Принцесса-консорт, прошу следовать за мной.

Жун Цунцзинь под покрывалом кивнул. Несколько служанок последовали за ним.

— Цунцзинь! — увидев, что тот отпустил ленту и собрался уходить, Гу Чжао встревожился. Он отстранил подошедших гостей и поспешил за ним. — Ты куда?

— В задние покои... — Жун Цунцзинь, не зная, есть ли рядом кто-то кроме служанок, тихо ответил. — Князь, развлекайте гостей, не беспокойтесь обо мне. Я... я буду ждать вас в задних покоях.

Гу Чжао немного успокоился и, проводив его взглядом, остался стоять на месте в растерянности.

— Пора начинать пир, — подошёл наследный принц и отдал распоряжение. — Сяо Лэцзы.

Евнух Сяо Лэцзы ловко поклонился и поспешил отдать приказания.

Свадьба принца, императорский пир, гости, поздравления... благодаря присутствию наследного принца всё прошло без происшествий.

— Я слышал, поместье маркиза Динъюань когда-то командовало армией «Чжэньвэй». В

Дяньнане эта армия славилась как войско тигров и волков. Там, где они стояли, люди осмеливались заходить в приграничные леса за ягодами и на охоту, — седьмой принц поднял бокал в сторону четвёртого и, глядя, как наследный принц за другим столом принимает с Гу Чжао поздравления, с улыбкой сказал: — Теперь поместье Динъюань станет несокрушимым клинком в руках наследного принца.

— Это, естественно, хорошо, — равнодушно ответил четвёртый принц.

Их взгляды встретились и тут же разошлись. После переворота годовщины Цзинчэнь они оба стали серьёзными претендентами на трон. За прошедшие годы, заручившись поддержкой советников и родни, они оба окрепли. Прожив столько лет братьями, они прекрасно знали, что у каждого на уме.

Ждать, что он станет тараном? Мечтать не вредно!

Наследный принц ясно дал понять: кто помешает свадьбе Гу Чжао, тот пойдёт против него.

Второй сын маркиза Динъюань уже вошёл в резиденцию князя Жуй, и теперь что-то изменить будет крайне сложно.

К тому же... в глазах четвёртого принца промелькнула тень. Этот никчёмный Юй Линси, не смог справиться с таким простым делом, и Жун Цунцзинь благополучно вошёл в княжескую резиденцию.

Впрочем, этот дурак Гу Чжао наверняка наделает ещё немало глупостей. Весь дворец и весь Ванцзин смеются над ним. Как такой гордый шуан, как отпрыск из рода Динъюань, сможет смириться с таким глупым мужем? Им и делать ничего не придётся, достаточно подождать, пока принцесса-консорт Жуй сама поднимет шум.

— Господин, съешьте пирожное, — в новобрачных покоях, за опущенными красными занавесями, сгущались сумерки. Новобрачный сидел на кровати. В коридорах зажглись дворцовые фонари. Служанки вошли и зажгли несколько ламп с перегородчатой эмалью и позолотой. На столе стояли две толстые красные свечи с узором из фениксов, их пламя тихо трепетало. На золотых блюдах горками лежали свежие фрукты.

Фу Тун открыла принесённую с собой шкатулку со сладостями и, выбрав несколько лёгких пирожных, протянула их под покрывало Жун Цунцзиня.

— Не хочу, — покачал головой Жун Цунцзинь, его голос был немного хриплым. — Есть чай? Дай мне промочить горло.

— Есть, — Би Тао поспешно повернулась, чтобы налить чай, но, коснувшись тыльной стороной ладони чайника, с сомнением сказала: — Он немного остыл. Я схожу за горячей водой.

Она была в резиденции впервые и ещё не освоилась.

— Не нужно, неси так, — вздохнул Жун Цунцзинь. Свадьбой занимались дворцовые службы. Снаружи всё было пышно, а внутри — небрежно. Многие служанки после церемонии должны были вернуться во дворец. Резиденция была создана всего несколько дней назад, и неудивительно, что дела в ней были не налажены.

— Слушаюсь, — Би Тао подала ему холодный чай. Жун Цунцзинь с самого утра был поглощён утомительными ритуалами и не имел возможности даже выпить воды. Чашка чая, хоть и холодного, немного взбодрила его.

— Какая же огромная эта резиденция, — с тревогой в голосе сказала Фу Тун. Она была здесь раньше с госпожой маркизой Динъюань, когда готовили покои для новобрачных, но тогда, занятая делами, не успела всё рассмотреть. Лишь въехав сюда с господином, она смогла составить примерное представление о размерах этого места.

Би Тао и Фу Тун, боясь нарушить этикет, говорили лишь тихим шёпотом рядом с Жун Цунцинем.

— Цунцзинь... ик, — снаружи раздался ясный, звонкий голос. Би Тао тут же умолкла.

— Князь, помедленнее, — послышались шаги на ступенях.

Би Тао и Фу Тун, встревожившись, поспешно отошли в сторону, опустив головы и затаив дыхание в ожидании князя.

Скрипнула дверь, украшенная свадебными иероглифами, и отворилась. Служанки поклонились.

— Можете идти, — тихо распорядился Жун Цунцзинь.

— Слушаемся, — служанки поклонились и, пятясь, вышли. Би Тао, выходя последней, аккуратно прикрыла за собой дверь.

— Я сегодня так счастлив, — Гу Чжао прижал руку к груди. Тепло распирало его изнутри, и казалось, если он не скажет этого, его сердце выпрыгнет от радости. — Счастливее, чем когда мой «Чёрный генерал» победил «Генерала Золотую Броню».

Жун Цунцзинь улыбнулся. Сложив руки на коленях, он, несколько не обидевшись, мягко

сказал:

— Разве князь не слышал, что ночь в свадебных покоях и получение высшего ранга на экзаменах — два величайших счастья в жизни человека?

— Слышал, — глуповато кивнул Гу Чжао. «Не нужен мне никакой высший ранг, — подумал он, — лишь бы принцесса-консорт каждый день была рядом».

— Я немного устал. Князь, снимите покрывало, позвольте мне вздохнуть свободнее, — мягко попросил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао поспешно подошёл и хотел было просто сдёрнуть покрывало рукой, но Жун Цунцзинь слегка уклонился, напомнив:

— Свадебные весы.

— Что? — недоумённо переспросил Гу Чжао. Наследный принц следил за ним, и на пиру он выпил немного. Но от волнения и слабости к вину он всё же опьянел и забыл все свадебные ритуалы, о которых ему говорили.

— Князь, посмотрите, нет ли на столе красных свадебных весов? Покрывало нужно снимать ими, — шаг за шагом наставлял его Жун Цунцзинь.

— Вот они, — Гу Чжао почесал в затылке, повернулся и тут же увидел на видном месте поднос, накрытый красным шёлком. Сдёрнув ткань, отливающую мягким светом, он действительно обнаружил свадебные весы, украшенные золотой ветвью и узором «жуи».

Гу Чжао взял весы и медленно протянул их вперёд. Внезапно его охватило волнение. Неужели его мечта сбывается?

Сердце Гу Чжао колотилось, как барабан, дыхание сбилось. В новобрачных покоях витал лёгкий аромат сливы, словно прекрасный сон, из которого не хотелось пробуждаться. Пальцы Гу Чжао слегка дрожали. Он взмахнул весами и лёгким движением снял красное покрывало, расшитое пионами.

Жун Цунцзинь взглянул на него и улыбнулся.

Одеяние, алое как огонь, лицо, подобное заре, отражённой в снегу, — несравненная, ослепительная красота, перед которой меркнет весь мир.

Суматошно бьющееся сердце Гу Чжао вдруг успокоилось, словно нашло свою гавань. Оно мерно застучало в груди, и с каждым ударом его наполняла безграничная радость.

— Почему князь так похудел? — разглядев его лицо, спросил Жун Цунцзинь, и улыбка сошла с его губ.

— Я сделал всё, что обещал тебе, — не отвечая на вопрос, тихо проговорил Гу Чжао, и аромат сливы вокруг него стал гуще, окутывая его шёлковыми нитями.

— Да, — кивнул Жун Цунцзинь, глядя на него с улыбкой. — С сегодняшнего дня я — твоя принцесса-консорт.

— Ты сегодня так красив, — искренне восхитился Гу Чжао.

С той первой встречи у зала Цзиин он был покорён, словно бедный учёный, встретивший фею с картины, и с тех пор не мог думать ни о ком другом.

Сегодня Жун Цунцзинь был в полном убранстве. Изящный пятилепестковый цветок сливы между бровями, словно след от лепестка, упавшего во время послеобеденного сна под сливовым деревом. Алое свадебное одеяние с вышитыми фениксами было неопишимо прекрасно.

— Главное, чтобы князю нравилось, — тихо ответил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао снова засмеялся. На его щеке появилась ямочка. Он сегодня смеялся без умолку. Спустя некоторое время улыбка сошла с его лица, он потёр пальцы о красный халат и тихо сказал:

— Мне нужна только ты.

Он помнил, как в детстве отец и мать часто ссорились. Мать всегда горько плакала, и как бы он ни утешал её, ничего не помогало. Потом она плакать перестала, но когда смотрела на отца, в её глазах больше не было того света.

Многие смеялись над ним, считая его дураком, но он смутно понимал причину.

Он хотел лишь одного: чтобы его принцесса-консорт, глядя на него, всегда светилась так же, как в ту ночь их встречи под луной. Чтобы в его ясных, янтарных глазах плескался нежный свет, а на губах играла улыбка, подобная цветущему саду.

Жизнь пролетает так быстро, и если ему удастся исполнить это желание, он будет счастлив. В его сердце не было места ни для империи, ни для великих свершений. Была лишь эта маленькая, скромная мечта.

Улыбка Жун Цунцзиня стала ещё нежнее. В его янтарных глазах, казалось, отразились звёзды

и свет утренней зари.

Гу Чжао сел рядом и протянул ему чашу с вином.

— Цунцзинь... — голос Гу Чжао, то ли от выпитого, то ли от переполнявших его чувств, стал тягучим, как мёд.

Жун Цунцзинь взял чашу. Тонкие пальцы обхватили её. К чаше была привязана красная лента. Он поднял руку, и рукав свадебного наряда соскользнул, обнажив белоснежное, как нефрит, запястье. Их руки переплелись в ритуальном жесте, обмениваясь чашами.

Вино, коснувшись губ, показалось Жун Цунцзиню слаще нектара.

Дзынь!

Золотые чаши упали на пол под кроватью — одна вверх дном, другая — нет. Пара красных свечей с узором из фениксов тихо горела. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, чувствуя невыразимую сладость.

— Знает ли князь, как должен обращаться со мной... со своим супругом после свадьбы? — тихо спросил Жун Цунцзинь.

В уединении он никогда не мог заставить себя произнести это уничижительное «я, ваша слуга».

— Я буду слушать всё, что ты скажешь, — почесал в затылке Гу Чжао. Подумав и не найдя ответа, он с уверенностью выпалил и незаметно обнял Жун Цунцзиня за плечи.

Ах, вот он какой, вкус новобрачной жизни? Гу Чжао почувствовал мягкость и тепло, ощутил аромат орхидеи и корицы. Принцесса-консорт не сопротивлялась, покорно склонившись к нему. От смущения его лицо залилось краской, готовой вот-вот закапать.

— Вот и правильно, — улыбнулся Жун Цунцзинь. — Если князю что-то будет непонятно, спрашивайте меня. С этой ночи мы — близкие супруги, а супруги — единое целое.

— Князь не должен ничего от меня скрывать. Вы можете мне это пообещать?

— Хорошо, — с готовностью согласился Гу Чжао.

Улыбка Жун Цунцзиня стала глубже, нежнее. Ещё одним достоинством Гу Чжао была его верность слову. Если он что-то обещал, то никогда не нарушал обещания.

— Это... — пальцы Гу Чжао, лежавшие на плече Жун Цунцзиня, слегка сжались. Он выпрямился и заявил: — Брат наказал мне, что в первую брачную ночь ты должна служить мне!

Улыбка Жун Цунцзиня слегка застыла. Он уже заметил, что Гу Чжао, ссылаясь на наследного принца, обычно придавал вес своим словам.

— Да, — Жун Цунцзинь опустил ресницы, скрывая блеск в глазах. Это была его обязанность, и он не собирался от неё уклоняться.

— Как князь желает, чтобы я ему служил? — Красные свечи потрескивали, роняя восковые слёзы. Жун Цунцзинь снял корону, и его тёмные, как шёлк, волосы рассыпались по плечам. Он снял верхнюю накидку, распустил пояс, удерживавший занавеси кровати, и алый шёлковый полог опустился, скрывая их от всего мира. Повернувшись, он опустился на колени на кровати и мягко спросил.

Лёгкий аромат сливы смешался с пьянящей сладостью весны. Гу Чжао нахмурился, мучительно вспоминая слова брата в кабинете и картинки в той маленькой книжице.

Жун Цунцзинь ждал и ждал. В его сердце зародилось разочарование, но он не сердился. Князь, конечно, отличался от обычных людей, он знал об этом ещё до свадьбы. Но тут лицо Гу Чжао прояснилось. Он перекатился на кровати и, толкнув Жун Цунцзиня, повалил его на разбросанные по постели сухофрукты и драгоценности. Нависнув над ним, он с покрасневшими ушами выпалил:

— Вот... так.

Он резко наклонился и, овеяв Жун Цунцзиня ароматом утренней росы и лесной свежести, впился в его алые, как лепестки роз, губы.

— Мм! — Жун Цунцзинь в изумлении распахнул глаза, но после минутного замешательства его руки сами собой обвили вокруг широких плеч Гу Чжао. Длинные ресницы, словно крылья бабочки, затрепетали. Он покорился, отдавшись этому поцелую с лёгким опьянением, и его губы приоткрылись.

Гу Чжао, не имея никакого опыта, действовал безрассудно. Он хозяйничал во рту Жун Цунцзиня, облизывая и пробуя языком, оставляя за собой влажный след. Он целовал жадно, неумело, даже со звуком, кусая и пробуя на вкус полные губы. Лицо Жун Цунцзиня зарделось, он задыхался, уже не понимая, потекает ли он ему или сам утонул в этом поцелуе.

Когда поцелуй закончился, Гу Чжао, всё ещё нависая над ним, звонко чмокнул его в гладкую щёку.

— Теперь ты мой, — заявил он уверенно, не допуская и тени сомнения.

— ...Правда? — выдохнул Жун Цунцзинь.

— Угу, ты не понимаешь, да? Всё равно мне придётся тебя учить, — самодовольно заявил Гу Чжао. Он оперся на руки, чтобы не давить на свою принцессу-консорта, и перекатился на бок, взяв Жун Цунцзиня за руку. Его лицо сияло от счастья и нежности.

— Князь, вам будет неудобно, — Жун Цунцзинь мягко отстранил его и смахнул в сторону разбросанные по кровати сухофрукты, нефрит и жемчуг.

— Князь желает отдохнуть? — спросил он, взглянув на сандаловый столик за пологом. Две красные свечи уже сгорели наполовину.

— Я обниму тебя, — прямо сказал Гу Чжао, протягивая к нему руки.

Жун Цунцзинь, помолчав, с улыбкой распустил свадебное одеяние. Пояс соскользнул, и алое платье с вышитыми фениксами и пионами упало на пол. Белоснежные, как нефрит, плечи и спина медленно обнажились. На фоне алого шёлка его кожа казалась ещё белее, словно красная слива, цветущая в снегу. Гу Чжао замер, ослеплённый этой красотой.

— Князь... — Жун Цунцзинь перекинул волосы на одну сторону и мягко лёг в объятия Гу Чжао, положив свою руку на его, что покоилась на его тонкой талии.

Аромат сливы заполнил всё вокруг.

На следующее утро Фу Тун и Би Тао, уже освоившись, принесли воды для умывания князя и принцессы-консорта.

— Где Сяо Лэцзы? — спросил Гу Чжао, сидя на краю кровати и растерянно глядя на свои босые ноги.

Жун Цунцзинь, заметив это, нахмурился и кивнул Би Тао. Та тут же поставила сапоги и носки Гу Чжао на скамеечку у кровати.

Гу Чжао, к удивлению, принялся одеваться сам.

— Наверное, из-за свадьбы ему неудобно входить в наши покои, — мягко объяснил Жун Цунцзинь.

Он, немного придя в себя, встал и, будучи в одной нижней рубашке, принялся помогать Гу Чжао одеваться, расправляя складки на его халате.

— Тебе не нужно этого делать, — смущённо пробормотал Гу Чжао. — Я и сам умею.

— Да, князь всё умеет, — ответил Жун Цунцзинь, прикрепляя к его поясу нефритовую подвеску. — Просто сегодня нам нужно во дворец, на поклон к его величеству и императрице, а потом в храм предков...

— Я надеюсь, князь замолвит за меня доброе слово перед императрицей, — с улыбкой добавил он.

— Это легко, — встрепенулся Гу Чжао. Он подхватил свою принцессу-консорта, кое-как прицепил мешочек с благовониями и, повернувшись, серьёзно сказал: — Ты моя принцесса-консорт, я тебя обязательно защищу.

— Матушка очень хорошая.

Би Тао, подавая князю полотенце, услышала это и почувствовала, как напряжение отпускает её. «Пусть князь и отличается от других, — подумала она, — но он во много раз лучше Юй Линси. Он добр и заботлив».

Для семейной жизни такой муж гораздо лучше.

— Би Тао, — позвал Жун Цунцзинь.

Би Тао тут же поднесла приготовленный мешочек. Жун Цунцзинь отвязал старый и прикрепил к его поясу новый, вышитый им самим.

— Вышивка не очень хороша. Позже я вышию тебе новый, — тихо сказал он.

Фу Тун, увидев этот мешочек, промолчала и незаметно отошла в сторону, сгорая со стыда.

Несколько месяцев назад господин начал вышивать. Она увидела на столе незаконченную работу — стежки были кривые, узор неразборчивый, — и, решив, что это дело рук какой-то служанки, вдоволь над ней посмеялась.

А оказалось, это вышивал господин...

Жун Цунцзинь, будучи очень гордым, ничего не сказал, но выбросил ту работу и начал заново. К счастью, он был внимателен и, хотя никогда не занимался рукоделием, после нескольких

попыток последняя работа получилась вполне приличной.

Правда, узор был мелковат.

— Гораздо лучше, чем у брата! — воскликнул Гу Чжао, с восторгом касаясь маленького цветка сливы внизу мешочка.

Жун Цунцзинь вздохнул с облегчением. Пусть цветок и мал, но ведь именно его просил вышить Гу Чжао.

Завтрак уже был подан в главном зале: каша с каштанами, маленькие паровые пирожки с крабовой начинкой, пирожные с османтусом и холодная лапша с листьями софоры.

— Как обильно! — просиял Гу Чжао.

— А где кухарка Чжао? Она не приехала с нами? — спросил Жун Цунцзинь, садясь за стол и хмурясь при виде завтрака.

В обычный день это было бы неважно, но Гу Чжао с их последней встречи сильно похудел, даже его пухлые щёки заострились. Он надеялся его откормить.

— И кухарка Чжао, и служанка Ли — госпожа отдала вам их контракты в качестве приданого. Просто утром на кухне было мало продуктов, смогли приготовить только это, — объяснила Фу Тун. — Закупки для резиденции всё ещё делают те же люди, что и раньше. Овощи, фрукты и рыбу привозят по установленному списку. Кухарка Чжао сказала, что после обеда сама ходит на рынок за свежими овощами.

Фу Тун говорила уклончиво, но Жун Цунцзинь понял: в резиденции не было свежих продуктов, за ними нужно было идти на рынок.

В ближайшие дни ему предстояли визиты во дворец, поклонение императору и императрице, дворцовые церемонии... времени совсем не было.

— Пусть управляющий пойдёт с ней, — кивнул он.

Жун Цунцзинь облачился в парадное одеяние принцессы-консорты, украсил причёску цветочными шпильками и вместе с Гу Чжао отправился во дворец.

Гу Чжао большими шагами взошёл в карету. Жун Цунцзинь последовал за ним, но не успел он подняться, как тот снова выпрыгнул, напугав его до полусмерти.

— Я помогу тебе, — улыбнулся Гу Чжао, сверкнув белоснежными зубами.

— Я могу сам, — покраснев, отказался Жун Цунцзинь, оглядываясь на дюжину слуг, сопровождавших их.

— Я видел, как брат в первый день помогал невестке, — недоумённо сказал Гу Чжао. Для него наследный принц был образцом для подражания. Не нужно было ничего выяснять, достаточно было делать, как он.

Жун Цунцзинь: «...»

Разве это одно и то же? Они ведь только поцеловались. Не желая спорить с ним на людях и не желая обижать его, Жун Цунцзинь, заливаясь румянцем, опёрся на его руку и позволил ему помочь сесть в карету.

— Принцесса-консорт, — тихо позвал Гу Чжао в покачивающейся просторной карете.

— М-м? — отозвался Жун Цунцзинь.

Гу Чжао замолчал, а через некоторое время снова радостно позвал:

— Принцесса-консорт...

— М-м, — с нежностью в голосе каждый раз отвечал Жун Цунцзинь. Иногда ему становилось смешно. Как мог в его сердце запасть такой простодушный, немного глуповатый юноша? Но каждый раз, думая о нём, его сердце наполнялось нежностью.

Лишь бы прожить с ним как можно дольше.

<http://bllate.org/book/13698/1583577>